

ВЛАДИМИР ВОЛЬКЕНШТЕЙН. Спартак.
Государственное Издательство. Москва,
1921 г. 142 стр. 10.000 экз.

Трагедия «Спартак» состоит из 5 действий.

В первом—дается картина, как рабы-гладиаторы: фракийцы, галлы, германцы и итальянцы, готовясь к принудительным состязаниям, подготавливают бегство. Организатором и вождем их является Спартак, гладиатор из Фракии. За сценой слышны шум, крики, как бы несущиеся с арены, на которой Спартак вынужденно, с болью в сердце, под крики: «Бей, жги! Добей, добей!», пронзает мечом на-смерть своего друга Берисада.

Действие второе вначале дает несколько штрихов растерянности в Риме, в связи с первыми успехами восставших рабов. Центр же состоит в том, что Спартак сознает неизбежность похода на Рим, так как только со взятием столицы, где сосредоточена государственная власть, возможно укрепить свою силу и развернуть восстание. Другие же видят гибель в этом походе. Спартак спорит с Криксом. Последний говорит: «Вижу, мы растем; но также вижу, господином став, недавний раб подражает прежним господам. Страсть к стяжанию головы туманит нашим самым доблестным бойцам. Пьянство, женолюбие—для забавы стравливают знатных римлян в играх гладиаторских, чтоб отомстить... Посмотри, что случилось с нашим войском, долго ли продержится оно?»

Действие третье разворачивает картину веселья победителей в Мутине, у развалин храма Юпитера. Флейты, вино, обжорство, женщины, ругань, грабеж отодвигают цель восстания в туманное будущее. Спартак объявляет поход на Рим. Галлы во главе с Криксом покидают Спартака.

Действие четвертое. Жестокий Красс становится во главе римских правительственных войск. Он получает от сената исключительные права и особые полномочия. Разложение в рядах Спартака растет. Красс теснит, ропот в рядах Спартака. Недовольство походом достигает крайних пределов.

Действие пятое. Бой с Крассом. Неожиданно явившийся Крикс убеждает во-

ждя рабов отказаться от боя, пользуясь ночной тьмой. Он предлагает начать войну морскую. Спартак не допускает мысли об отступлении. Его он считает позором, бегством, предательством. По-прежнему мечтает о конечной победе восставших и смело бросается в бой.

Пьеса задумана интересно. И написана она живым языком. Но сразу бросается ее недоработанность и схематичность. Трагедия Спартака, сознающего историческое величие начатого восстания, как первого шага к коренному переустройству старого мира, с надлежащей силой не развернута. А массы, которые еще не доросли до сознания своего вождя, скрыты автором. Они временами приветствуют Спартака, но их мысли, чувства и стремления не видны читателю. В силу этого нет того фона, на котором с большей яркостью и силой мог бы выявиться трагизм положения главного героя пьесы. Трагизм правдивый, исторически неизбежный, но больше теоретизированный автором, чем развернутый в художественных образах.

Второстепенные герои страдают великой схематичностью, однотонностью и слишком их много. Они совсем мало оттеняют и выделяют фигуру своего великого вождя и друг друга, а потому и излишни.

Не совсем удачно построена пьеса и технически. Пять действий содержат десять картин, при чем некоторые картины—пятиминутные; неудобства этого сознает сам автор, рекомендуя при постановках некоторые картины опустить, как усложняющие постановку, но необходимые в развитии трагедии.

Валерьян Полянский.

А. БЕЗЫМЕНСКИЙ. К солнцу. Книга стихов. Вторая. Госуд. Изд. Петербург, 1921 г.
60 стр. 8.000 экз.

Стихи «К солнцу» ничего нового и оригинального не представляют. Все темы сборника стали шаблонными, да и у других они разработаны логичнее, красивее, смелее, а не так ученически, ощупью, как у А. Безыменского. Слово «налиты» рифмуется с «верна литы».

А как плохи и воллиттерации: «звоном громким расколотых звеньев хрустнет хрупкий хряц у стекол». Да и «хрупкий хруст» — давно уже сказано А. Белым.

Ничего хорошего нет и в стихах:

1)
 То Там
 То Здесь,
 То Там,
 То Тут».

2)
 Где день
 Дам тень,
 Где тень
 Дам день».

Не редко встречаются противоречивые мысли, несогласованные образы. В одном случае земной «стихии великой не исчерпать никогда», а в другом автор собирает «на колеснице по небу отыскивать берега, пить из ковша Медведицы и ковром турецким выстлат Млечный путь».

Все неудачи А. Безыменского происходят, очевидно, от того, что, по его словам, его «сердце только вагранка», хотя и живая, а мысли—всего только «шуршащий провод», а самые стихи—не более как «гранка».

Не сумел автор обработать даже и заимствованное. Своего же у него ничего нет.

Валерьян Полянский

СЕРГЕЙ ТРЕТЬЯКОВ. Железная Пауза. Владивосток, 1919. Стр 64.

Первая книга стихов Сергея Третьякова только что добралась до Москвы. А выйти была она должна, как говорит довольно напыщенным языком предисловие, в начале 1916 г. Это было бы тогда естественно, теперь же книга—очень хорошая—кажется давнишним и не вовремя забытым дневником. Здесь собраны

стихи за шесть лет, с 1913. История сложная и даже не без поучительности. Третьяков обладает удивительной, необыкновенно-трогательной серьезностью к своему делу,—да и пишет мало, а над тем, что пишет, как видно, долго сидит и упорно добивается своего. И не будет большой ошибки—его история, как она читается по «Железной Паузе»,—история современника-стихотворца. Первые годы—стихи 1913 и частью 1914—то ли откровенный Северянин,—с Кузминым и без Кузмина, петербургские изящники то же не без малого отразились,—будет символизма — объелись умничаньем—а грубоватость мальчишке прямо по плечу. Выяснить не требуется, и если я вчера видел кирпичника в синих штанах, он тебе, горожанину, такой же родной, как и Подколесин, могу на него ссылаться без сноски: не понимаешь?—так ты просто глуп, любезный!—ведь:

...Я слышу.

Свой игольчатый глаз просовываю
 На крышу.

Вольно тебе не уметь делать этого. Темки маленькие, темки-крошки не беспокоят, мир игрушечен—очень красивый мирок—его еще можно подкрасить. Что до трагизма—он в грубости, в филигрании мельтешащих амеб-метафор. Мир пейзажится в мое удовольствие—там, правда, что-то есть, но:

Мы чаю не допили,
 Мы бросили тартинки.
 На легком Оппеле
 На пляж, на пляж!

Банкир что-то где-то проиграл и уже интересуется работой браунинга,—чудак!—«но не весь мир же вы проиграли на бирже?» Глупости и пустяки: вот ковер в гостиной лежит—такой красивый, стоит над ним посидеть и точнее его записать. И тут мальчик стучается в Маяковского:

Я спала в граммофонных трубах.
 На проводах сушила белье.
 Сколько тихих и грубых
 Входило в мое жилье.

Тут неожиданно начинает выясняться—и автор еще не умеет оценить